
Тесля А. А. Русский панславизм: от культурного к политическому и обратно : рецензия на книгу Бориса Прокудина // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* — 2018. — Т. II, № 2. — С. 177–185.

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

РУССКИЙ ПАНСЛАВИЗМ: ОТ КУЛЬТУРНОГО К ПОЛИТИЧЕСКОМУ И ОБРАТНО**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ БОРИСА ПРОКУДИНА

Прокудин Б. А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века / под ред. А. А. Шириянца. — М. : Издательство Московского университета, 2018.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-177-185.

Изданная в этом году работа Бориса Прокудина представляет собой обзор истории идеи «славянского единства» в политической мысли России XIX в. В терминологическом плане Прокудин вполне обоснованно использует слова «панславизм», «идея славянского единства», «славянская взаимность» и т. д. в качестве синонимических с точки зрения языка описания, отдаленного во времени от рассматриваемых идейных контроверз — причем отмечает, что во многом это относится и к словоупотреблению изучаемой им эпохи. Так, если «панславизм» зачастую имеет негативный оттенок, используется для обозначения противостоящей, неприемлемой позиции (в «панславизме» можно, например, обвинить оппонента), то для целого ряда синхронных с первого рода словоупотреблениями можно зафиксировать не только нейтральное (как, например, в одноименной работе Пышина 1878 г., переизданной в 1913 г.), но и прямо позитивное значение — а для русской «кальки» с «панславизма», «всеславянства», последнее является преобладающим. Аналогично, если при употреблении оборота «славянская взаимность», идущего от Я. Колара, политические импликации в целом приглушены, то «славянское единство» оказывается риторически удобным именно

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., старший научный сотрудник Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), mestr81@gmail.com.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. Канта и поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

потому, что с ним не связаны какие-либо однозначные политические представления, и, с одной стороны, оно несет в себе позитивные оттенки смысла («единство»), а с другой — истолкование того, в чем именно и как именно видится реализующимся данное «единство», целиком зависит от говорящих¹.

Историю панславизма в русской мысли автор подразделяет на два основных этапа — до и после Крымской войны. В 1820–30-е гг. панславизм (под которым подразумевается в той или иной степени, но именно *политическая* идея) возникает и развивается среди западных и южных славян (почти исключительно в пределах Австрийской империи) — и в этом качестве с 1830-х гг. оказывается в фокусе немецкой публицистики, присваивающей этому достаточно неопределенному комплексу представлений наименование «панславизма» (по аналогии с «пангерманской идеей», набиравшей силу с начала XIX в.). В России идеи «славянской взаимности» звучат с рубежа 1810–1820-х — Прокудин совершенно верно обращает внимание на общество «Соединенных славян»; Впрочем, планы по изучению славянских языков — вылившиеся в итоге в создание соответствующих кафедр в 1834 г., но начавшие обсуждаться за два десятилетия до этого — оказываются за пределами внимания.

Обращаясь к сюжетам из области славяноведения, тесно связанным с панславизмом, необходимо отметить, что, на наш взгляд, авторская трактовка грешит упрощением: согласно Прокудину, «с самого начала нового царствования [имеется в виду правление Николая I. — А. Т.] (до 1877 г.) русскому панславизму пришлось развиваться в условиях жесткой цензуры и подозрений со стороны правительства» (Прокудин, 2018: 139). Для подобного суждения есть свои основания, однако это же можно сказать и о целом ряде других политических идейных течений: правительственная политика в отношении панславистских идей была достаточно сложной, панславизм никоим образом не становился официальной идеологией, но в то же время именно на николаевское царствование приходится создание целой сети кафедр славяноведения, подготовка для них квалифицированных кадров. Михайло Петрович Погодин, которого Прокудин справедливо рассматривает как одного из

¹В то время как «панславизм» изначально запускает цепочку ассоциаций, связанных, например, с «пангерманизмом» — и изменение толкования последнего не вполне контролируемо со стороны говорящих воздействует на значения и оценки, привносимые в «панславизм».

первых представителей русского политического панславизма и, что важнее, как того, кто системным образом формулирует свои представления и предлагает целую программу действий для правительства (в записках, поданных министру народного просвещения гр. С. С. Уварову в 1839 и 1842 гг.²), является одним из голосов «официоза». Собственно, пытаясь кратко определить правительственное отношение к панславистским идеям, необходимо принять в расчет несколько тезисов.

Во-первых, само «правительство» и его политика неоднородны, — так, понятно, что отношение к славянским темам со стороны, например, Третьего отделения и Министерства народного просвещения в 1830-х — первой половине 1840-х существенно расходятся. Более того, достаточно обратиться к цитируемым и самим Прокудиным ответам И. С. Аксакова на вопросы, заданные ему в Третьем отделении во время ареста в 1849 г., и пометкам государя Николая Павловича на полях, чтобы увидеть, что позиция императора в отношении «славянской взаимности» далека от однозначно негативной. Так, Николай I писал:

...под видом участия к мнимому утеснению славянских племен в других государствах, таится преступная мысль соединения с сими племенами, несмотря на подданство их соседним и частью союзным государствам; а достижения сего ожидали не от Божьего определения, а от возмутительных покушений на гибель самой России. И мне жаль, потому что это значит смешивать два предмета совершенно разных: преступное со святым (Сухомлинов, 1889: 505).

Как видим, здесь и соединение «преступного со святым», и легитимистский принцип, утверждаемый императором, и в то же время готовность ожидать «соединения с сими племенами [...] от Божьего определения». Николай I в первую очередь противостоит здесь угрозе самостоятельного политического действия, политической инициативы, исходящей не от правительства, — потому, отметим попутно, Погодин, предлагающий свои идеи правительству и готовый действовать как его агент, не вызывает фундаментальных нареканий, в то время как даже более умеренная инициатива, идущая не через правительство, воспринимается в этой логике как угроза и то, что подлежит немедленному пресечению.

²Отметим попутно, что в тексте работы (Прокудин, 2018: 54) обе записки Погодина относятся к следствиям одной и той же заграничной поездки 1839 г., хотя даже из текста самих записок, опубликованных Погодиным в 1874 г. (Погодин, 1874), — не говоря уже о детальном жизнеописании Погодина, исполненным Н. П. Барсуковым (Барсуков, 1892; 1893), — можно узнать, что записки составлены, соответственно, после путешествий 1838–1839 и 1842 гг.

Во-вторых, идея «славянской взаимности», разумеется, не становится идеей официальной политики ни для 1840-х, ни для 1860-х гг., но используется правительством. Так, например, в рамках интерпретации «народности» Уваровым только в 1847 г. последняя будет понята как «русская», с исключением панславистских идей, но само это жесткое исключение ситуативно связано с делом Кирилло-Мефодиевского общества и опасениями перед лицом возможных последствий подъема национальных движений.

В-третьих, сами идеологи русского панславизма учитывают эти многообразные факторы и отнюдь не являются пассивными объектами воздействия со стороны «правительства», а активно действуют в этом сложном пространстве, частью которого являются действия как других держав, так и политических и общественных групп в последних.

Примером сложного переплетения многообразных факторов может служить история газеты «Парус», издание которой И. С. Аксаков принял в 1859 г. при прямой поддержке со стороны Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Уже на втором номере она была закрыта по цензурным основаниям, но при поддержке братьев Ковалевских (один из которых был в это время министром народного просвещения, а другой — директором Азиатского департамента МИДа) Аксаков сразу же получает разрешение на новое издание, озаглавленное «Пароход». Министерство иностранных дел считало издание такого рода органа весьма полезным с точки зрения влияния на зарубежных славян и укрепления сети контактов. Издание «Парохода», однако, не состоялось, поскольку издателю было запрещено упоминать о связи с предшествующим изданием и как-либо касаться политики, — здесь содействие со стороны Азиатского департамента оказалось бессильно преодолеть опасения других ведомств и нерасположение государя, — но уже с осени 1861 г. тот же Аксаков начнет издание газеты «День», которой Азиатский департамент, теперь возглавляемый гр. Н. П. Игнатьевым (будущим многолетним посланником в Константинополе), будет оказывать разнообразное содействие, чтобы, в свою очередь, использовать ее для публикации тех или иных потребных ему материалов (см.: Аксаков, 1896; Тесля, 2015).

Крымская война как водораздел между двумя этапами в истории панславизма в русской мысли означает существенную перемену отношений — возникновение общественного мнения в качестве значимого и до некоторой степени признаваемого самой государственной властью политического фактора. В рассмотрении последующей истории

панславизма Прокудин останавливается в первую очередь на трех моментах: во-первых, на деятельности славянских комитетов³, во-вторых, на воззрениях В. И. Ламанского — крупнейшего отечественного слависта последней трети XIX — начала XX в., целый ряд трудов посвятившего проблематике, в дальнейшем получившей обозначение «геополитической», — и, в-третьих, на идейной эволюции панславизма в 1870-е — 1880-е гг. Для рассмотрения последнего круга вопросов Прокудин избирает деление панславизма на (1) культурный и (2) политический, к представителям первого относя, например, уже упомянутого выше В. И. Ламанского и О. Ф. Миллера, а среди представителей политического называя Р. А. Фадеева и А. И. Васильчикова. Впрочем, как верно отмечает сам автор, подобное подразделение является довольно условным, — мы же со своей стороны отметили бы, что зачастую оно сугубо ситуативно: так, в 1880-х гг. панславизм оказывается преимущественно

³Попутно отметим ряд фактических неточностей, допускаемых Прокудиным при описании данного сюжета. Так, он пишет: «Членами Славянского благотворительного комитета, кроме известных славянофилов А. С. Хомякова, С. Т. и К. С. Аксаковых, Ю. Ф. Самарина и А. И. Кошелева, стали также общественные деятели, близкие к либеральному лагерю, — С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев, слависты О. М. Бодянский, А. А. Майков, — публицист консервативного толка М. Н. Катков и другие» (Прокудин, 2018: 76). Сама эта классификация вызывает в памяти «китайскую энциклопедию» Борхеса: однопорядковыми оказываются «славянофилы», «консерваторы» и «слависты». Однако не только в неудачном упорядочивании дело: описываемый состав комитета относится к 1858 г., но в это время соиздателя «Русского вестника» М. Н. Каткова весьма затруднительно назвать «публицистом консервативного толка»: его взгляды приобретут такой характер существенно позднее. И, во всяком случае, в это время их трудно противопоставить воззрениям С. М. Соловьева и Ф. И. Буслаева: первый, напомним, как раз в 1856–57 гг. на страницах «Русского вестника» ведет напряженную полемику со славянофильской «Русской беседой», в то время как С. Т. Аксакова в историографической традиции совершенно справедливо не причисляют к славянофилам (см., напр.: Цимбаев, 1986), в отличие от двух его сыновей, Константина и Ивана.

Существенное искажение в описании деятельности Славянских комитетов вносит то обстоятельство, что за пределами рассмотрения оказывается тесная связь последних с отдельными частями правительства: сама организация Московского комитета в 1858 г. была вызвана резким ослаблением влияния Российской империи на Балканах после поражения в Крымской войне и стремлением отчасти компенсировать это через общественные и культурные связи; о связи открытия Санкт-Петербургского комитета с Этнографической выставкой 1867 г. и прибытием полусотни зарубежных делегатов, которые были официально приняты Александром II, пишет сам автор исследования. История комитетов, в особенности Московского, — яркий пример того, сколь неточной и размытой оказывается логика противопоставления власти, правительства и общества, причем если последнее еще сохраняет в силу очевидных разнонаправленных действий свою неоднородность, то «правительство» и «власть» легко субстанциализируются и в дальнейшем оказываются единым субъектом — с волей, разумом и прочими атрибутами личности.

«культурным» не столько по причине сущностной перемены взглядов тех из его представителей, которые действовали в 1870-е и продолжают действовать десятилетие спустя, а поскольку для реализации широкой панславистской программы в эти годы не было соответствующих условий: разочарование в результатах войны 1877–78 гг. было практически всеобщим; к тому же, его усугубляло развитие ситуации в Сербии и Болгарии, которые, в том числе в результате серии грубых ошибок российской внешней политики, оказались на долгие годы потерянными для российской дипломатии.

Заметим попутно, что целый ряд суждений автора вызывает недоумение. Так, присоединяясь к выводам Г. В. Рокиной, Прокудин пишет:

...представленное Данилевским направление русской общественной мысли было далеко от подмены панславизма панрусизмом, от требования растворения самостоятельности славянских племен в «единовластительстве» России над миром славянства. Вся выдвинутая Данилевским концепция и в общей своей теоретической основе, и в практических очертаниях представляла собой нечто прямо противоположное каким-либо захватническим со стороны России стремлениям (Прокудин, 2018: 104–105).

Если с первой частью этого пассажа еще и можно согласиться (хотя все-таки имеет смысл разделять декларации признания «самостоятельности славянских племен» с интенциями построений Данилевского и было бы плодотворно эксплицитно выделить, что именно он понимает под свободой и самостоятельностью⁴), то вторая часть явно предполагает узкий и оценочный смысл слов «захватнические [...] стремления», дабы стать осмысленной, — видимо, исключая из своего числа все многообразие «освобождений», «возвращений», «воссоединений» и прочих действий, в глазах говорящего имеющих позитивный смысл, в отличие от осуждаемых «захватов». В числе других недостатков работы приходится отметить, что большая ее часть представляет собой кандидатскую диссертацию автора, защищенную в 2007 г. и представляющую библиографию и степень изученности темы по состоянию на то время,

⁴Так, например, в цитируемом Прокудиным пассаже из работы председателя Санкт-Петербургского славянского комитета кн. А. И. Васильчикова (1876, опубл. 1883) говорится: «Славянский вопрос вовсе не понят в Европе, и очень смутно понимается в России. Славянский вопрос обозначает не то, что обыкновенно подразумевают европейские либералы, то есть не политическую независимость с конституционным правлением, не равноправность с гласным судопроизводством и адвокатурою. Этим, пожалуй, могут англичане осчастливить турок, но серб, черногорец, болгарин, как и русский мужик, таких благоденствий не просят» (Прокудин, 2018: 119).

что с учетом появления за истекшие годы целого ряда фундаментальных исследований по истории отечественной общественной мысли XIX столетия воспринимается как серьезная неполнота.

Не лишена работа и целого ряда фактических ошибок. В частности, автор пишет: «концепция славянского единства славянофилов нашла теоретическую базу в гегелевской философии истории» (Прокудин, 2018: 20), — тогда как обращение даже к обзорным работам по истории славянофильства могло сообщить автору, что формирование воззрений А. С. Хомякова и И. В. Киреевского (обмен их в 1839 г. текстами «О старом и новом» и «Ответ А. С. Хомякову» традиционно принято считать за начальную дату образования славянофильства) происходит независимо от гегелевской философии, оказавшей серьезное воздействие на молодых Ю. Ф. Самарина и К. С. Аксакова. Во многом именно со споров Хомякова с Самаринным о Гегеле и опровержения опытов Самарина в приложении философии последнего к православию начинается соединение двух поколений московских национально настроенных дворян в «московское направление». Если уж пытаться определить преобладающее философское влияние на славянофильство, то решающую роль придется отвести шеллингианству — но в рамках тех ключевых идей, которые обсуждает Прокудин, у нас нет нужды в подобном философском разбирательстве: идеи о народах «исторических» и «неисторических», о том, что в основе всякой нации и государства лежит некий «дух», раскрывающийся в их истории, и т. д. — принадлежат к общему кругу расхожих идей, связанных отнюдь не только с Шеллингом или Гегелем, но и с Гердером, Фихте и немецкими романтиками. В этом плане сказанное Прокудиным применительно к Гегелю оказывается во многом верным, но обозначающим не видовые, а родовые черты этого способа осмыслять историю.

Если же вернуться от недостатков к достоинствам работы, то необходимо отметить, что перед нами — краткий и отчетливо структурированный обзор истории панславистских идей в русской общественной мысли XIX в., охватывающий широкий диапазон мысли: от декабристских организаций до Бакунина, от славянофилов до кн. Васильчикова и генерала Фадеева. В итоге читателю дается картина истории русского панславизма от первых политических формулировок до паузы конца XIX в. — перед тем, как панславизму предстоит вновь занять существенное место на арене русской политической мысли в преддверии Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков И. С.* Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2: Письма к разным лицам. Т. IV. — СПб. : Издание Императорской публичной библиотеки, 1896.
- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. V. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1892.
- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. VII. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1893.
- Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжение крымской войны. 1853–1856. — М. : Тип. В. М. Фриша, 1874.
- Прокудин Б. А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века / под ред. А. А. Шириянца. — М. : Издательство Московского университета, 2018.
- Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению : в 2 т. Т. II. — СПб. : Издание А. С. Суворина, 1889.
- Тесля А. А.* «Последний из „отцов“»: биография Ивана Аксакова. — СПб. : Владимир Даль, 2015.
- Цимбаев Н. И.* Славянофильство. Из истории русской общественной мысли XIX века. — М. : Издательство Московского университета, 1986.

Teslya, A. A. 2018. "Russkiy panslavizm: ot kul'turnogo k politicheskomu i obratno [Russian Pan-Slavism: From the Cultural to the Political and Back]: retsenziya na knigu Borisa Prokudina [A Review of Boris Prokudin's Book]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (2), 177–185.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY, SENIOR RESEARCHER

AT THE IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY, KALININGRAD

RUSSIAN PAN-SLAVISM: FROM THE CULTURAL TO THE
POLITICAL AND BACK

A REVIEW OF BORIS PROKUDIN'S BOOK

PROKUDIN, B. A. 2018. *PANSLAVIZM V ISTORII POLITIKI I MYSLI ROSSII XIX VEKA [PAN-SLAVISM IN THE HISTORY OF RUSSIAN POLITICS AND THOUGHT IN THE NINETEENTH CENTURY]* [IN RUSSIAN]. ED. BY A. A. SHIRIYANTS. MOSKVA [MOSCOW]: IZDATEL'STVO MOSKOVSKOGO UNIVERSITETA

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-177-185.

REFERENCES

- Aksakov, I. S. 1896. *Ivan Sergeevich Aksakov v yego pis'makh. Ch. 2: Pis'ma k raznym litsam [Ivan Aksakov through His Letters. Part 2: Miscellaneous Letters]* [in Russian]. Vol. IV. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye Imperatorskoy publichnoy biblioteki.

- Barsukov, N. P. 1892. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* [Life and Works of M. P. Pogodin] [in Russian]. Vol. v. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.
- . 1893. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* [Life and Works of M. P. Pogodin] [in Russian]. Vol. vii. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.
- Pogodin, M. P. 1874. *Istoriko-politicheskiye pis'ma i zapiski v prodolzheniye krymskoy voyny. 1853–1856* [Historical and Political Letters and Notes in the Course of the Crimean War. 1853–1856] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tip. V. M. Frisha.
- Prokudin, B. A. 2018. *Panslavizm v istorii politiki i mysli Rossii XIX veka* [Pan-Slavism in the History of Russian Politics and Thought in the Nineteenth Century] [in Russian]. Ed. by A. A. Shiryants. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Sukhomlinov, M. I. 1889. *Issledovaniya i stat'i po russkoy literature i prosveshcheniyu* [Studies and Articles on Russian Literature and Education] [in Russian]. Vol. II. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye A. S. Suvorina.
- Teslya, A. A. 2015. "Posledniy iz 'ottsov'": *biografiya Ivana Aksakova* [The Last of the "Fathers": Ivan Aksakov's Biography] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Tsimbayev, N. I. 1986. *Slavyanofil'stvo. Iz istorii russkoy obshchestvennoy mysli XIX veka* [Slavophilism. From the History of Russian Social Thought of the Nineteenth Century] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.